

И. Е. Рудковская

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ / ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Представлен компаративный анализ вариантов решения проблем легитимации и делегитимации власти в нарративах позднего Просвещения. Выявлены общие черты и особенности подхода к проблеме российских авторов (М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина) и их британских коллег (Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона).

Ключевые слова: *позднее Просвещение, легитимность, легитимация / делегитимация власти, историографическая компаративистика.*

Исследование проблемы легитимности власти, условий приобретения или утраты легитимности относится к числу значимых задач политологии. В современной науке предложены различные подходы к этой проблеме, рассматриваются разные модели легитимности (М. Вебера, С. М. Липсета, Д. Битема, Д. Истона, М. С. Везерфорда и др.) [1, с. 49–57].

Понятие «легитимность» было введено, как известно, М. Вебером, полагавшим, что легитимность порядка, т. е. его поддержка со стороны общества, может быть гарантирована как «чисто аффективно: эмоциональной преданностью», «безусловным уважением граждан к традиции престолонаследия», так и ценностно-рационально, религиозно и, кроме того, определяться «ожиданием специфических внешних последствий» [2, с. 479–480; 3, с. 354]. Но введенное им понятие отражало реалии, которые были отмечены в науке задолго до М. Вебера, прежде всего в «Государе» Н. Макиавелли, в трудах эпохи Просвещения. Н. Макиавелли подчеркивал, что «государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и, наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть» [4, с. 66]. Ф. Вольтер в «Истории Карла XII, короля шведского» отмечал, что именно личностные качества его героя обеспечивали поддержку власти в ситуации бесконечных войн: народ, обремененный поборами, полагал он, «взбунтовался бы при всяком другом короле», а при нем «деревенская молодежь толпами приходила записываться в солдаты» [5, с. 262, 250]. В статье Д. Дидро «Политическая власть» в I томе знаменитой Энциклопедии подчеркивалось, что власть свою государь получает от своих же подданных, что «корона, управление, публичная власть – это достояния, находящиеся в собственности всей нации, и даны они государям во временное пользование», что «нация имеет право оберегать заключенный ею договор во всем и против всех» [6, с. 435–436].

В эпоху позднего Просвещения преимущественный интерес исследователей к политической истории неизбежно выводил создателей макро-

историй на проблему легитимации либо делегитимации власти, поскольку неспособность власти приобрести поддержку со стороны общества обуславливала те потрясения цивилизованного государства, которые, по словам Д. Юма, составляют наиболее поучительную и интересную часть истории [7. Vol. I. P. 1–2]. Комплекс исторических трудов британского и российского позднего Просвещения позволяет провести компаративное исследование представлений их авторов о специфике легитимации и делегитимации власти, о роли поддержки субъекта власти нацией для обеспечения стабильности той или иной политической системы. Активное использование историками позднего Просвещения термина «система» [8, с. 92–95] делает достаточно логичным привлечение политологического аналитического инструментария, в том числе категорий, предложенных в рамках системного подхода Д. Истона, уделявшего особенное внимание проблеме поддержки социумом властных решений, выделявшего идеологическую, структурную и персональную легитимность в качестве основных ее типов [1, с. 53–55]. Преимущественное внимание в статье уделялось двум типам ситуаций, предоставлявших авторам максимальную возможность высказать свою позицию по этому поводу: ситуации малолетства государей, когда регенты или регентские советы правят от имени малолетних наследников престола и ситуации экстраординарной смены правителей (династий).

Различия в сюжетах, рассматривавшихся британскими историками, обусловили меньшую сопоставимость результатов по сравнению с компаративным анализом трудов российских историков, чьи макроистории дублировали друг друга с точки зрения пространственно-временных характеристик, основных событий и действующих лиц. Анализ взглядов российских историков на процессы легитимации / делегитимации власти в периоды малолетства преимущественно строился на материале глав, посвященных правлению Елены Глинской при малолетнем Иване IV. Сопоставление вариантов трактовки проблемы легитимности власти правителей, не являвшихся наследниками престола

по праву рождения, было проведено на основе глав, посвященных в трудах М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина властвованию Бориса Годунова.

В «Истории Англии» Д. Юма, который начинал свое многотомное исследование с воссоздания событий XVII в., проблемы легитимности не могли не стать особенно важными. Юм подчеркивал, что из английской революции короли должны извлечь тот урок, что очень опасно присваивать больше власти, чем позволяют законы, а обществу важно учесть опасность «бешенства народа», «неистовств фанатизма» [7. Vol. V. P. 290].

Д. Юм дважды выделил рубрики «Управление в течение малолетства», т. е. проблема малолетства выведена на уровень микроструктуры [7. Vol. I. Ch. XVII, XX]. Обе рубрики историк начал с определения роли парламента на начальном этапе царствований Ричарда II и Генриха VI [7. Vol. II. P. 233, 339]. Особенно подробно был им рассмотрен период 1377–1381 гг., причем историк подчеркнул, что перемена, связанная с переходом власти от монарха мудрого и опытного к одиннадцатилетнему мальчику сразу не была почувствована народом ввиду того, что парламента был избран и собирался в спокойной обстановке [ibid. P. 233]. Последовавшее затем усиление палаты общин Юм признал следствием отсутствия должной заботы со стороны Эдуарда III об определении порядка управления в период малолетства его внука. Парламент, по его словам, восполнил это упущение; палата общин, чье влияние возрастало в течение всего предшествующего царствования, начала проявлять дух свободы [ibid. P. 234]. Так как регент не был четко обозначен, в течение нескольких лет система управления поддерживалась благодаря тайному влиянию дяди короля, герцога Ланкастера, по сути, и являвшегося регентом [ibid. P. 235]. Судя по контексту, легитимность новой власти расшатывалась противостоянием парламента и правительства, министры которого подвергались критике палаты общин. Роспуск парламента, последовавший после выдвижения требований о ежегодном созыве парламента, как и созыв нового, привели лишь к дальнейшему усилению духа свободы, к ощущению собственного влияния, которое без введения беспорядков ведет к обеспечению собственной независимости и независимости народа [ibid.]. В данном случае можно говорить, вероятно, о структурной легитимности, о неудовлетворенности политической элиты спецификой распределения политических ролей между разными властными институтами.

Д. Юм признал, что проблемы и враги, доставшиеся в наследство Ричарду II, были слишком опасны для столь юного короля [ibid.]. Результатом стало стремительное снижение поддержки власти,

редкое, по его мнению, в истории, переполненной примерами, когда великие тиранствуют над низшими слоями, здесь же, напротив, низшие слои выступили против правителей [ibid.]. С характеристики роли парламента начал историк и рассмотрение вопроса о долгом малолетстве Генриха VI [ibid. P. 339].

Д. Юм представил целую галерею ярких политических лидеров, как традиционных, получивших властные полномочия по наследству, так и харизматических, завоевавших свое право властвовать или расширивших его столь нестандартно, как Яков VI шотландский, объединивший под своей властью Англию и Шотландию. Тщательно анализируя процесс постепенной делегитимации власти династии Стюартов, он уделил особенное внимание фактору религиозного противостояния, ослабившего позиции Якова на английском престоле, подчеркнув, что «вся история, а история Якова и его преемника в особенности, доказывает, что, когда религиозный дух сочетается с духом партийных раздоров, в нем обнаруживается нечто сверхъестественное и непостижимое» [9, с. 58]. Его трактовка деятельности «благочестивых фанатиков», участвовавших в пороховом заговоре, управляемых «страстью, принципом и взаимными увещаниями», позволяет говорить о появлении идеологической составляющей делегитимации [9, с. 25–26].

В историческом творчестве В. Робертсона проблема легитимности также играла важную роль. Историк не мог не видеть, что сложности в деле обеспечения поддержки власти народом возникают при любой форме правления: «Республики, подобно Монархиям, соблазняются духом властолюбия» [10. Т. I. С. 128]. Например, во Флоренции, по его словам, народ «допускал одному Дому управлять своими делами так же неограниченно, как если бы он торжественно получил власть державную» [10. Т. I. С. 130–131], т. е. процесс легитимации мало отличался от монархической модели. Характеризуя правление во Франции как монархическое, не ограниченное законами, Робертсон отмечал, что оно «имеет пределы, полагаемые ей мнением дворян о своем достоинстве» [10. Т. I. С. 161]. В Германской империи, по Робертсону, «влияние и сила Князей и Чинов Имперских более, нежели перешивали мнимое самодержавие Императора» [10. Т. I. С. 170].

О внимании историка к этой проблеме говорят и его оценки отдельных правителей. Робертсон позитивно оценивал правление Якова IV (1488–1513) прежде всего потому, что ему было присуще высокое представление о власти как средстве обеспечения безопасности королевства, а не развертывания террора [11. Vol. I. P. 65]. Фердинанд II, по Робертсону, был государем, имевшим власть над умами

народа, позволявшую ему поддерживать «такую тишину, какая была даже несвойственна их государственному устройству, обильному в поводах к смутам и беспорядкам» [10. Т. II. С. 25]. Яков VI, став шотландским королем, обеспечил спокойствие, позволившее жителям обратиться к мирным искусствам [11. Vol. III. P. 176–177].

Особенно подробно Робертсон анализировал причины традиционно низкой легитимности королевской власти на его родине, в Шотландии, где она «так чрезвычайно ограничена, а власть знати так трудно преодолима» [11. Vol. II. P. 207], где политическая элита была всегда равна со своими монархами в могуществе [ibid. P. 375]. Среди факторов, обусловивших независимость шотландской аристократии, историк выделял влияние природы страны, расположенной среди гор и болот, спасавших ее от завоевания, малочисленность городов, крайне незначительных, разделенность на кланы. Особенно важным фактором представлялась ему малочисленность знати ввиду бедности Шотландии: немногие избранные, особо чувствительные и нетерпимые к любым претензиям короля к ограничению сферы их влияния, охотно объединялись в лиги «взаимной защиты», направленные против трона. Частые войны с Англией, в силу специфики организации войска в ту эпоху, усиливали зависимость короля от аристократии, бедствия, обрушившиеся на королей, еще более умаляли королевский авторитет [11. Vol. I. P. 26–36]. Все обстоятельства складывались против короны: убийство одного короля, внезапная смерть другого, фатальное отчаяние третьего вносило свой вклад в спасение аристократии от падения [ibid. P. 80]. В XVI в., полагал историк, для представителя знати участвовать в заговоре против шотландского короля не означало делать нечто необыкновенное: заговорщики не допускали самой возможности обвинения их в измене своему суверену. Ординарным явлением представлено Робертсоном и покровительство, оказываемое шотландским заговорщикам английской королевой Елизаветой [ibid. P. 421, 423], чье долгое правление позволяло воспринимать это если и не в качестве «доброе старое английское обычая», то, по меньшей мере, как устойчивую традицию.

В данном случае, как видим, речь шла не о персональной, а, скорее, структурной легитимности: в рассуждениях В. Робертсона чаще фигурировал некий абстрактный король, обладавший незначительным доходом и ограниченными полномочиями, не опиравшийся на постоянную армию, не способный иметь большого влияния на своих могущественных подданных [11. Vol. III. P. 189]. Экстраординарным исключением на этом фоне, по Робертсону, было лишь то влияние, которым пользова-

лись шотландские короли в Парламенте вопреки преобладанию в нем знати [11. Vol. I. P. 80–81].

В. Робертсоном была выделена особая роль длительных малолетств правителей в истории Шотландии. Историк отмечал, что на его родине в период с 1390 по 1542 г. «minority» наследников в связи с насильственной гибелью их отцов стали печальной традицией: «Из шести наследных принцев от Роберта III до Якова VI ни один не умер естественной смертью и малолетства в течение этого времени были дольше и чаще, нежели когда-либо случались в любом другом королевстве» [ibid. P. 33–34]. Историк писал, что в период регенства, в течение долгого отсутствия Якова I, имя короля стало мало известно и еще менее почитаемо, вольность многих лет сделала знать независимой и превалировала общая анархия [ibid. P. 50]. Именно завершение 37-летнего периода, когда «Шотландия была вынуждена делегировать власть регентам или слабому правлению женщин», обусловило, по Робертсону, позитивное отношение жителей Эдинбурга в 1579 г. к приезду молодого короля Якова VI [11. Vol. II. P. 392].

Экстраординарные перемены на престоле воссоздавались историком многократно во всех его трудах. Самой значимой переменной в его самом известном труде об эпохе Карла V стал момент, когда его герой был избран германским императором. Характеризуя тот всплеск «духа мятежа», который стал реакцией испанцев «всякого звания» на «удвоение» престолов их правителя и привел к избранию народом своих представителей, Робертсон отмечает, что, «к счастью, эти представители прибыли ко Двору, когда Карл был в высокой степени раздражен на дворянство» и потому с досады оправдал народ. Робертсон не рассматривал здесь противостояние короля и знати в качестве изолированного процесса; он в равной мере признавал и право народа, и право элиты на отстаивание своих интересов, а полномочия короля для него – прежде всего инструмент для поддержания стабильности [10. Т. II. С. 64–67].

Обратившись к истории Америки, Робертсон показал, что стратегия легитимации выстраивалась испанской администрацией в Америке только в отношении испанцев, тогда как коренные жители Америки рассматривались в качестве животных, не наделенных правами и привилегиями человека [12. Vol. I. P. 246]. Генерал-губернатор испанских владений в Америке Н. Овандо, отмечал историк, управлял испанцами благоразумно и справедливо, без той суровости, с которой он обходился с индейцами [ibid. P. 251].

В «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббон неоднократно формулировал свое представление о значимости общественного

признания, непосредственно связанного с общественным благодеянием. Текст его труда насыщен политическими афоризмами. Он подчеркивал: «...только вследствие отсутствия здравого смысла или мужества самодержавный монарх может отделять свое благополучие от своей славы или свою славу от общественного благодеяния» [13. Ч. V. С. 205]. Характеризуя причины падения Западной Римской империи, Гиббон считал важным подчеркнуть, что италийцы «или ненавидели, или презирали» своих монархов [13. Ч. IV. С. 79]. Для него было очевидно, что «в делах как мирного, так и военного управления интересы монарха обыкновенно бывают тождественны интересам его народа» [13. Ч. II. С. 228], т. е. существенным интересам, распознать которые не мешает монарший эгоизм. Характеризуя Галла, которого ждала опала и смерть, он подчеркивал, что тот в своем жестокосердии «забывал, что он лишал себя своей единственной опоры – народной привязанности, тогда как своим врагам он давал в руки оружие истины» [13. Ч. II. С. 203].

Для Э. Гиббона проблема малолетства государей не была столь значимой, как для В. Робертсона в «Истории Шотландии», поскольку монархию в Риме, по его словам, «можно было считать то за избирательную, то за наследственную, то за основанную на вотчинном праве» [13. Ч. III. С. 361]. Он мимоходом отметил продолжительное малолетство Валентиниана III, опекунскую заботливость его матери Платидии, расслабившей его юность, старавшейся «удержать в своих руках такую власть, которой она не была способна пользоваться» [13. Ч. III. С. 362]. Кратко им был упомянут и малолетний последний император Рима, беспомощный Аугустул, который, «будучи не в состоянии внушить Одоакру уважение», был превращен в орудие собственного падения, опозорив «имена Ромула и Августа» [13. Ч. IV. С. 75–78].

Сложившаяся в Римской империи система смены правителей превратила экстраординарность появления на императорском престоле в своеобразную норму. Э. Гиббон представил читателям различные вариации появления на престоле и падения императоров. Несмотря на частое стремительное снижение легитимности с неизбежной последующей сменой правителей, по Гиббону, специфической особенностью Римской империи следует признать способность власти добиваться повсеместного, добровольного и постоянного подчинения, в отличие от азиатских монархий, с их деспотизмом в центре и слабостью на окраинах, с подданными, которые «хотя и неспособны к свободе, однако склонны к мятежу» [13. Ч. I. С. 89–90].

Наиболее подробно проблема легитимации экстраординарных правителей была рассмотрена им

на примере Октавиана Августа и Диоклетиана. Характеризуя вариант легитимации власти, устраивавший Августа как создателя новой политической системы, он подчеркивал, что тот изначально сделал ставку на имитацию республиканских форм, желая «обмануть народ призраком гражданской свободы и обмануть армию призраком гражданской системы управления» [13. Ч. I. С. 115]. Такая имитация, по Гиббону, обеспечивала власти императора больше шансов на легитимацию, чем при отсутствии стремления поддерживать хотя бы видимость народовластия. Этот вариант легитимации сохранялся до утраты Римом статуса столицы, но впоследствии, когда монархи «выбрали для себя постоянное местопребывание вдалеке от столицы», «они навсегда отложили в сторону то притворство, которое Август рекомендовал своим преемникам» [13. Ч. I. С. 372]. Введенная Диоклетианом административная система обусловила «увеличение расходов на управление и как следствие увеличение налогов и угнетение народа» [13. Ч. I. С. 375], но так как, полагал историк, для «миллионов простого народа страшно не столько жестокосердие, сколько корыстолюбие их правителей» [13. Ч. II. С. 159], поэтому развитие процесса структурной делегитимации оказалось неизбежным. При разваленных римских правителях он в значительной мере подкреплялся персональной делегитимацией. Э. Гиббон воссоздал, по сути, растянувшуюся во времени картину стремительной делегитимации целого ряда властителей, неуклонно обгонявшей процесс легитимации, не подкрепленный «эмоциональной преданностью» подданных огромной империи.

М. М. Щербатов проблемы легитимности власти касался неоднократно, в разных контекстах, применительно к разным периодам. Он подчеркивал, говоря об обрядах «тогдашнего правления»: «...является, что они великую власть имели и часто ненавидимы были народу» [14. Т. IV. Ч. I. С. 74]. В его историческом нарративе нередки обличения правителей: «Тщетно любящие самовластие, или лучше сказать, неумеющие любить самих себя, а ненавидящие и изменяющие народу вручившему себя им, Государя, являются принимать лучшие меры, чтобы свое безслаvie и нещастие народа усугубить» [14. Т. VI. Ч. II. С. 65].

Обратившись к описанию периода, наступившего после смерти Василия III, он акцентировал внимание читателей на определении «малолетний» [14. Т. V. Ч. I. С. 131, 151], терминах «малолетство», «младенчество» [Там же. С. 136], подчеркивая тем самым экстремальность ситуации. В данном случае речь шла о трактовке ситуации малолетства с точки зрения высокой вероятности структурной делегитимации из-за длительной неспособности

государя выполнять свои функции. Отметив, что первоначально в правлении Елены Глинской не было ничего предосудительного, кроме взятия под стражу дяди Ивана IV, далее представил процесс «повреждения нравов» как явление, общее для всех периодов малолетства государей в разных странах: «Во всех таковых управительствах во время малолетства государей примечаем мы, что с колькою добродетелию оныя ни начинаются, но наконец страсти к собственным своим прибиткам или честолюбию и пристрастия к своим родственникам и любимцам, разрушают сию добродетель, и утесняют других» [14. Т. V. Ч. I. С. 19]. Кроме того, он подчеркнул, что и другим «тягостно быть подвластными себе равным» [Там же. С. 19–20]. Другими словами, процесс делегитимации «запускается» в таких случаях довольно быстро как в связи со стремительной моральной деградацией власти при временщиках, так и в связи с честолюбивой борьбой внутри политической элиты. Щербатов высказал любопытную догадку относительно активности власти по части строительства городов из «политических видов», заключающихся в стремлении «уменьшить разглагольствия, каковыя конечно должныствовали быть во время слабаго младенческаго правительства, под присмотром матери почти чужестранки, да и в добродетели которой мало уверены были» [Там же. С. 82–83].

В целом аргументация Щербатова скорее ориентирована на признание персональной делегитимации: он допускал, что «слухи охулительные» в адрес Елены могли быть следствием, а не причиной «ненависти народныя противу ея» [Там же. С. 3–4]. Он подчеркивал, что «не безызвестно было Великой Княгине и другим правителям государства, что народ не весьма был доволен правлением их», что гонения на родственников юного царя могли быть связаны со справедливыми опасениями «какого возмущения внутри России» [Там же. С. 105]. «Неудовольствие» Россиян по поводу правления «младенчества Великаго Князя», «известное негодование народа на тогдашнее правительство» отмечалось историком неоднократно [Там же. С. 110, 125]. Историком отмечалась особенная опасность и междоусобной войны «во время младенчества Государева», и внешних войн [Там же. С. 113, 140]. Период после смерти Елены Щербатовым был признан временем, когда «почтеннейшие из бояр именем малолетнаго государя правили государством» [Там же. С. 131]. Историк негативно оценивал самоуправство вельмож, пользовавшихся «слабостию малолетства Великаго Князя», «без всякаго законнаго порядка и без позволения Государя» [Там же. С. 136–137]. Неотъемлемой негативной чертой, проявляющейся «при слабом правлении малолетства государева», Щер-

батов признавал то обстоятельство, что «каждый, помышляя о собственной своей пользе, мало о общем добре печется» [Там же. С. 150].

Появление на российском престоле правителя, не принадлежавшего к роду Рюриковичей, по Щербатову, стало возможным в связи с тем, что не было установлено «никаких основательных законов о наследстве престола в случае пресечения царствующаго корня» [14. Т. VII. Ч. I. С. 1]. Историк подчеркивал готовность народа присягнуть Годунову: «...народ, зная уже его искусство, имеет причину надеяться, что быв возведен сам на престол, усугубит свои попечения о ошаствлении народа» [Там же. С. 6]. С его точки зрения, обусловленные принуждением и страхом «происки и вопли наименее просвещенных решили судьбу государства» [Там же. С. 9, 11–12]. Щербатов не исключал вероятности религиозной обусловленности поддержки, легитимации власти Годунова: «Таковое смирение и набожие от стороны Годунова, и таковыя являющияся боговдохновенныя вещания от Патриарха... могли преклонить любящий и почитающий веру народ на искреннее желание о возведении на престол сего боярина» [Там же. С. 14].

Дальнейшие взаимоотношения Годунова и его подданных предопределили, по Щербатову, «строгости», отвращавшие от него «сердца народныя», и «огорчение и неудовольствие» знатных родов, которые «были верны Отечеству и Государю, но ненавидели похитителя» [Там же. С. 111]. Как отмечал Щербатов, «Тщетно Царь Борис по малым сумнениям изгонял именованнейших особ государства» [Там же. С. 111]. Историк признавал, что царь Борис «довольно был хитр, дабы не упустить ничего, что учиненными им благодеяниями могло бы умножить к нему любовь народную» [Там же. С. 131]. Но и благодеяния не обеспечили персональную легитимацию его власти: «Тщетно владыки света возлагают свою надежду на низкой народ: се есть море ветром колеблемое» [Там же. С. 257].

В «Истории государства Российскаго», посвящая Александру I свой труд, Н. М. Карамзин выразил надежду на появление «Венценосцев, которые хотят властвовать для людей, для успехов нравственности, добродетели, Наук, Искусств гражданских, благосостояния государственнаго и частнаго» [15. Кн. I. Т. I. С. VIII]. Он не без основания видел в деятельности российских правителей источник позитивных или негативных поворотов в истории народа: именно самодержец «подобно искусному Механику, движением перста дает ход громадам, вращает махину неизмеримую, и влечет ею миллионы ко благу или бедствию» [15. Кн. II. Т. VIII. С. 104]. Историк не ставил под сомнение значимость легитимации власти: «...нет Прави-

тельства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной» [Там же. С. 8].

Воссоздавая период малолетства Ивана IV, Н. М. Карамзин выделил «общее сетование» по поводу кончины Василия III, связав его с тем, что Россия никогда не имела «столь малолетнего властителя», обратив внимание на опасения «Елениной неопытности, естественных слабостей, пристрастия к Глинским» [Там же. С. 5]. Карамзин подчеркивал, что в ситуации, когда «Иоанн был единственно именован Государь», «Россия видела себя под жезлом возникающей Олигархии», что в глазах народа «многочисленные тираны» не уподобляются «раздраженному Божеству», в отличие от разгневанного самодержца, «пред Коем надобно только смиряться», что народ «видит в них людей ему подобных, и тем более ненавидит злоупотребление власти» [Там же. С. 8]. Карамзин последовательно воссоздавал процесс развертывания политических репрессий, устранения конкурентов и недовольных среди политической элиты, подчеркнул, что Елена «считала жестокость твердостью» [Там же]. Вероятно, это можно признать следствием появления на престоле правительницы, воспитанной, подобно многим князьям периода децентрализации Руси, в двойной (отечественной – зарубежной) традиции, в галицком, пограничном с католическими странами, варианте [16, с. 92].

Позитивно оценивая внешнюю и отчасти внутреннюю политику при Елене Глинской, историк с пониманием отнесся к неприятию ее власти, признав, что она «не могла угодить народу» тиранством и фаворитизмом, «соблазном на троне» возбуждая лишь ненависть и даже презрение, «от коего ни власть, ни строгость не спасают Венценосца» [15. Кн. II. Т. VIII. С. 28]. Но, воспроизведя версию об ее отравлении, он подчеркнул, что, по малолетству Иоанна, она «законно властвовала в России», что худых царей «наказывает только Бог, совесть, История», что, согласно необходимому уставу Монархии, «особа Венценосцев *неприкосновенна*» [Там же. С. 29] (Выд. Н. К.). Подводя итоги, Карамзин признал, по сути, факт делегитимации власти правительницы, отметив, что ни элита (Бояре), ни народ «не изъявили, кажется, ни самой притворной горести» [Там же. С. 30]. В данном случае персональная делегитимация отчетливо превалировала над иными ее типами.

Делегитимация власти Бориса Годунова, по Карамзину, стремительно сменила процесс ее легитимации. Историк подчеркивал, что Борис «хотел именоваться отцем народа, уменьшив его тягости... все государственныя состояния могли быть довольны за себя и еще довольнее за отечество...

Россия... любила своего Венценосца, желая забыть убиение Димитрия или сомневаясь в оном!» [15. Кн. III. Т. XI. С. 55–56] (Выд. Н. К.).

Но Борис «скоро начал удаляться от Россиян», так как «внутреннее беспокойство души, неизбежное для преступника, обнаружилось в Царе несчастными действиями подозрения»: он восстановил «бедственную Иоаннову систему доносов и вверил судьбу граждан, Дворянства, Вельмож сонму гнусных изветников» [Там же. С. 56–57]. Гонения на Романовых, умерщвления в темницах, пытки по доносам предопределили изменение отношения к правителю: «скоро неудовольствие стало общим» [Там же. С. 64]. Проявив заботу и щедрость в период голода, «Борис не обольстил Россиян своими благодеяниями», так как, по Карамзину, возобладали «мысль, что Небо за беззакония Царя казнит Царство» [Там же. С. 68], т. е. религиозный фактор делегитимации. Признав Бориса Годунова одним из разумнейших властителей в мире, Карамзин счел важным подчеркнуть, что его имя «было и будет произносимо с омерзением, во славу нравственного неуклонного правосудия» [Там же. С. 105–106].

Подводя итоги, нельзя не отметить, что в целом процессам делегитимации в общей архитектонике трудов историков позднего Просвещения уделялось больше внимания, чем процессам легитимации, в соответствии со спецификой тех сложных исторических периодов, которые они воссоздавали. Хотя процессы падения авторитета власти рассматривались в трудах позднего Просвещения в неразрывной связи с личностными качествами монархов, способствовавших или препятствовавших их разворачиванию, анализ текстов макроисторий позднего Просвещения не позволяет говорить о том, что в их трактовке процессов легитимации / делегитимации политической власти в изучаемых ими социумах просматривается специфика только персональной легитимности. Есть основания увидеть в их описании и контуры идеологической легитимности в ситуациях появления новых систем ценностей, нового видения должного в политической сфере. Срывы диалога между представительной властью и властью регентов в ситуациях малолетства – следствие структурной делегитимации, разочарования в навязываемых исполнительной властью моделях авторитарного типа. Если общие представления о значимости легитимации власти для любого правителя у британских и российских историков схожи, соответствуя тем подходам, которые были закреплены во французской энциклопедии, то воссоздание конкретных процессов делегитимации в отечественной традиции позднего Просвещения отличается большей персонализацией.

Список литературы

1. Кокарев К. П. Легитимность институционального порядка // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 49–58.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 453–484.
3. Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. 816 с.
4. Макиавелли Н. Государь. М.: АСТ ЛЮКС, 2005. 461 с. (Philosophy).
5. Вольтер Ф. История Карла XII, короля шведского. СПб., б/г.
6. Философия в энциклопедии Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994. 720 с.
7. Hume D. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. I–VI. L., 1830.
8. Рудковская И. Е. Терминологические предпочтения историографов позднего Просвещения (от Д. Юма до Н. М. Карамзина) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 5 (95). С. 92–99.
9. Юм Д. Англия под властью Стюартов. Т. I. СПб., 2001. 563 с.
10. Робертсон В. История государствования императора Карла V. Т. I–IV. М., 1839.
11. Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I–III // Ibid. Vol. I–III. Edinburgh – London, 1819.
12. Robertson W. The history of America. Vol. I–IV // Robertson W. The Works of W. Robertson in Twelve Volumes. Vol. VIII–XI. Edinburgh – London, 1819.
13. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I–VII. СПб.: Наука: Ювента. Ч. I–II. 1993; Ч. III. 2008; Ч. IV. 2006; Ч. V–VII. 2004.
14. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб.: Т. I. 1794; Т. II. 1805; Т. III. 1774; Т. IV. Ч. I. 1781; Т. IV. Ч. II. 1783; Т. IV. Ч. III. 1784; Т. V. Ч. I. 1786; Т. V. Ч. II–IV. 1789; Т. VI. Ч. I–II. Т. VII. Ч. I. 1790; Т. VII. Ч. II–III. 1791.
15. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I–IV. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. М.: Книга, 1988–1989.
16. Рудковская И. Е. Проблема становления личности правителя в отечественной историко-философской традиции (Н. М. Карамзин) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 12 (63). С. 88–94.

Рудковская И. Е., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: iri-rudkovskaya@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 06.03.2013.

I. E. Rudkovskaya

THE PROBLEM OF LEGITIMATION / DELEGITIMATION OF THE POWER IN HISTORIOGRAPHICAL TRADITION OF THE LATE ENLIGHTENMENT

The article is devoted to the comparative analysis of the variants of decision of the problems of the legitimation and the delegitimation of the power in the narratives of the late Enlightenment. In the article there are revealed some common features and some peculiarities of the approach to this problem of the Russian authors (M. M. Shcherbatov and N. M. Karamzin) and their British colleagues (D. Hume, W. Robertson, E. Gibbon).

Key words: *late Enlightenment, legitimation / delegitimation of the power, historiographical comparative research.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: iri-rudkovskaya@yandex.ru